

УДК 902/903.27

ОБРАЗ ВОЛКА В ДЕКОРЕ ВЕЩЕЙ (памятники «звериного стиля»)*Е. К. Сатина***THE IMAGE OF THE WOLF IN DECORATION OF THINGS (artifacts of animal style)***E. K. Satina*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение 14.В37.21.0954; Государственное задание НИР, регистрационный № 01203263112.

Образ волка анализируется в статье в связи с предметами, на которых он изображался. Исследуются сюжетные (частичное или полное воспроизведение фигуры, поза), композиционные (сцены борьбы, терзания, сочетание изображений разных зверей) и локальные особенности изображений волка на изделиях, происходящих преимущественно из памятников ранних кочевников степей Евразии, обобщаются существующие точки зрения на семантику образа этого хищника.

The image of the wolf is analyzed in the paper in relation to the items on which it was depicted. The plot (partial or complete reproduction of the figure, posture), composition (fight scenes, laceration, a combination of images of different animals) and local features of images of the wolf on wares originating from the monuments of the Eurasian steppes early nomads are investigated, the existing points of view on the image semantics of this predator are summarized.

Ключевые слова: звериный стиль, ранние кочевники, сюжет, композиция, семантика, локальные особенности.

Keywords: animal style, early nomads, plot, composition, semantics, local features.

Волк – почитаемый в разных традиционных культурах зверь. Образ волка довольно широко представлен в искусстве звериного стиля. Встречаются как отдельные изображения волка, так и в составе композиций. Отдельные изображения волка бывают частичными (голова) или полными (фигура). Фигура волка может быть представлена в различных положениях: «идущий», «стоящий», «припавший к земле» или «свернувшийся в кольцо» зверь. К композициям с участием волка относятся сцены борьбы, терзания, иные сочетания изображений зверей. Для изучения семантического аспекта образа волка важен «вещный контекст» – связь с назначением и семантикой вещи, в декоре которой он используется. Более того, скульптурные изображения волка нередко были составной частью предметов, том числе ритуальных, наделяемых сверхъестественными свойствами – наверший рукоятей клинкового оружия, ручек сосудов, зеркал, ложек и др.

В данной статье анализируются 349 предметов с изображениями волка (хищника с признаками волка), выполненными в традициях «звериного стиля», которые датируются в рамках VII – II (I) вв. до н. э. и происходят с территории Степной Евразии. Можно выделить следующие категории таких предметов:

I. Конское снаряжение (145 экз.). Среди предметов конского снаряжения, на которых воспроизводился образ волка, можно выделить уздечные и седельные подвески, сбруйные бляхи, псалии, нащечники и наносники, а также нагайки. Изображение волка чаще всего встречается на псалиях (50 экз.), сбруйных бляхах (43 экз.) и уздечных подвесках (39 экз.). Большинство псалиев с изображением волка происходит с Алтая, уздечных подвесок – с Алтая и из Южного Приуралья, сбруйных подвесок – из Нижнего Поволжья. В Подонье, на территориях Тувы, Монголии и

Северного Китая находки конского снаряжения с волчьим декором единичны или совсем не встречаются.

Что касается сюжетных и композиционных особенностей, то на сбруйных подвесках и псалиях могли изображаться: голова волка (рис. 1-1), две разнонаправленные головы волка (рис. 1-4), голова волка в сочетании с головой другого хищника (рис. 1-3) или хищной птицы (рис. 1-2). Изображение фигуры волка встречается только на седельных подвесках, найденных лишь на территории Алтая. Сюжет волка «свернувшегося в кольцо» почти не использовался в декоре предметов конского снаряжения, за исключением немногих случаев, выявленных в материалах Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Вопрос о семантике образа волка в связи с предметами конского снаряжения обсуждался многими авторами. Так, по мнению Д. В. Черемисина, изображения хищников в экипировке коня моделировали сюжет терзания этого животного, приносившегося в жертву на похоронах. «По всей видимости, – пишет автор, – пищевой код, весьма актуальный для мифологического сознания, играл немаловажную роль в формировании комплекса представлений, отраженных в мифологии и образительном искусстве» [26, с. 38]. Исследователь ссылается на господствовавшее в языческое время в Скандинавии представление о том, что убийство на поле боя есть посвящение убитых Одину и его священным животным – волкам и воронам, пожиравшим останки павших воинов [26, с. 39].

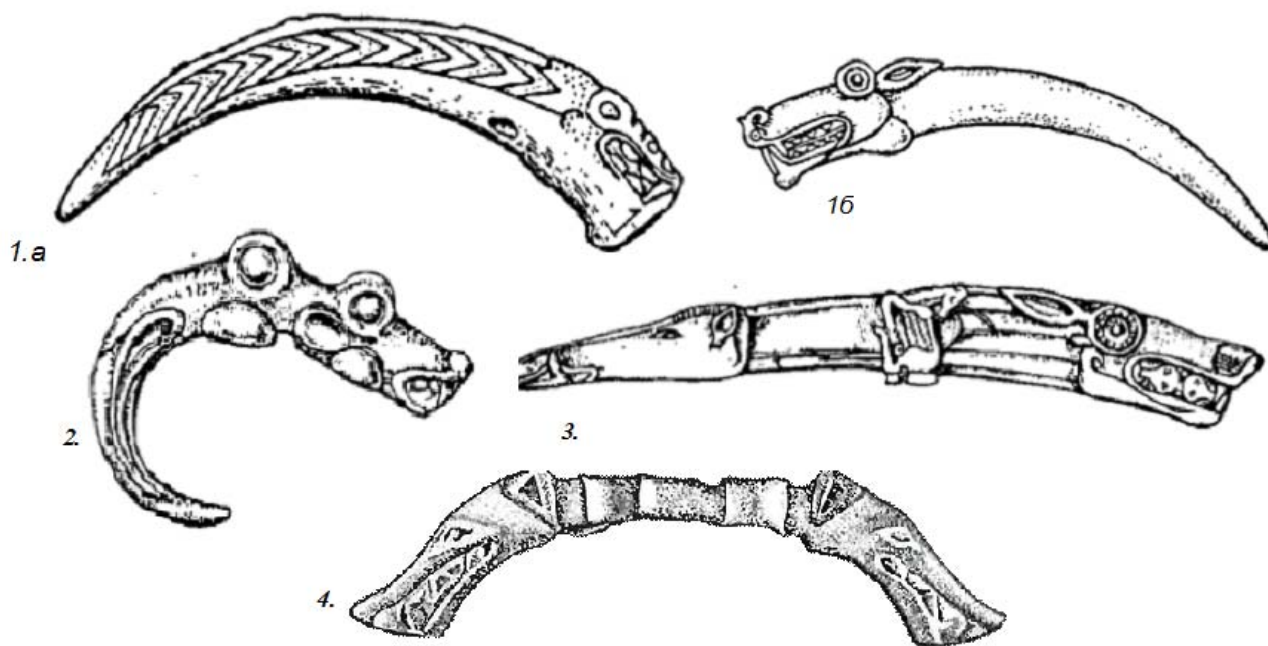

Рис. 1. Сюжетные и композиционные особенности изображения волка на уздечных подвесках и псалях.
 1. а. Нижнее Поволжье Блюменфельд, кург. А12. К. VI – н. V вв. до н. э. [Приводятся по: 23, рис. 4,1];
 1б. Приднепровье. Роменская группа. Подвеска. V в. до н. э. [Приводятся по: 12, табл. 64, 5].
 2. Казахстан Сынтас I, погр. 2. Украшение конской сбруи. VI – V вв. до н. э.
 [Приводятся по: 11, рис. 3, 7].
 3. Окрестности г. Керчи. Крым. Подвеска. V – IV вв. до н. э. [Приводятся по: 12, табл. 64,1].
 4. Памятник Пазырык, кург. 4. V – IV вв. до н. э. [Приводятся по Богданову, IV – II, по: 4, табл. CV, 6].

С. С. Сорокин высказал предположение, что войлочные седельные подвески (рис. 2) имитируют способ доставки добытых на охоте зверей. Но если туши убитых зверей были разовым свидетельством героизма, то изображения-заменители могли служить постоянными знаками личной доблести [24, с. 182]. Д. В. Черемисин, напротив, считает, что такие седельные подвески представляли собой волков, «преследующих», «гонящих» и «терзающих» коня [26, с. 44]. Изображение волчьих головок на кнутовище нагайки автор связывает с ее непосредственной функцией – подгонять лошадь [26, с. 44].

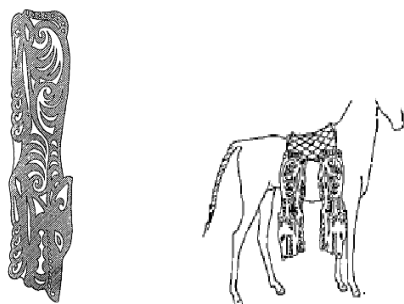

Рис. 2. Войлочные седельные подвески. Могильник Ак-Алаха I, V в. до н. э. [Приводятся по: 26, табл. XVII, 2,7]

Е. С. Богданов полагает, что псалии в виде кабаньего клыка, украшенные на одном конце головой хищной птицы, а на другом – волка (рис. 3), являются «амулетами», придававшими коню особую смелость, силу и быстроту: «конь как бы превращался в совсем другое существо синкретичного характера, которому вообще не страшны опасности и трудности» [4, с. 46]. Сочетание образа хищной птицы и волка в одном изделии Д. В. Черемисин объясняет представлениями о зависимости существования птиц-падальщиков от хищнической деятельности волков. Исследователь отмечает, что для реконструкции семантики образов волка и грифона важна их исключительная роль в погребальной обрядности. Имея в виду смысловую общность образов волка и собаки, он указал на то, что «Авеста» предписывала выставление тел умерших на растерзание собакам и грифам [26, с. 37]. З. Гадиева предположила, что предмет из кабаньего клыка с изображением волка, найденный в Барсукинском захоронении, служил амулетом. Автор пишет, что древние верили в магическую силу волка, силой и храбростью которого такой амулет должен был наделить своего владельца, «кроме того, амулет должен оберегать от дурного глаза, от различных болезней, неудач и т. д.» [5, с. 110].

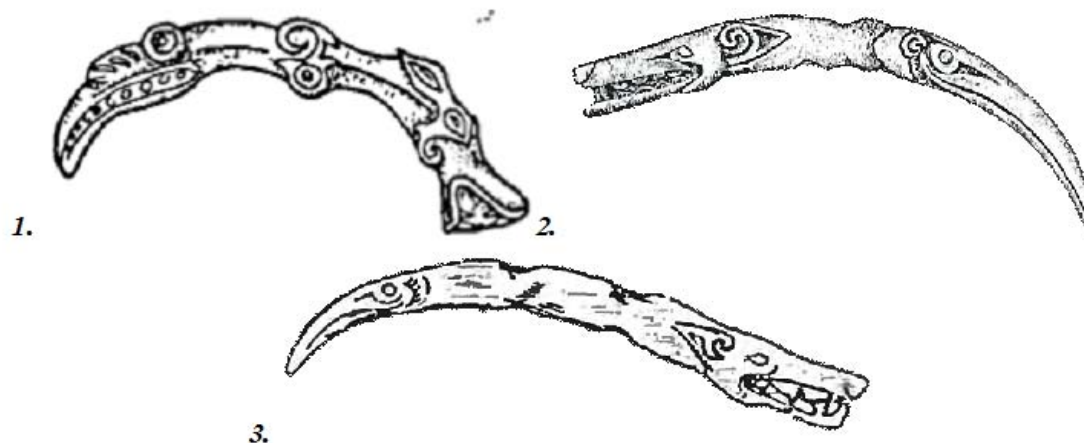

Рис. 3. Псалии. Сочетание голов хищной птицы и волка на псалиях.
 1. Хошеутово. V в. до н. э. [Приводится по: 12, табл. 60, 6];
 2, 3. Могильник Кок-Су I, кург. 26. V в. до н. э. [Приводится по: 15, рис. 5,11]

II. Оружие и ножи (36 экз.). Образ волка воспроизводился на навершиях рукоятей клинкового оружия – ножей, мечей, перекрестьях кинжалов, на рукоятках и рабочей части оружия, на ножнах.

Большая часть оружия и ножей происходит из Минусинской котловины (26 экз.). Что касается изображений волка на перекрестьях кинжалов, то они встречаются исключительно на этой территории (рис. 4. 8 – 13). На навершиях ножей часто изображалась голова волка, в пасти которого зажат круг (рис. 4. 1 – 7). В большинстве случаев у хищника детализированы острые зубы. Возможно, эта композиция отражает представления, зафиксированные у многих народов (прежде всего индоевропейских), о связи образа волка с такими небесными явлениями, как солнечное и лунное затмения. Например, в скандинавской мифологии известен сюжет погони двух волков за девой-

Солнцем. Когда они настигнут ее и проглотят, наступит конец света [17, с. 163]. М. А. Харитонов отмечает, что в искусстве ранних кочевников есть изображения волка рядом «с кругом, который мог быть схематическим изображением этих светил (солнца и луны. – М. Х.). Создается впечатление, что он собирается их проглотить» [28]. В. Д. Кубарев и Д. В. Черемисин пишут, что в некоторых изобразительных «текстах» воспроизводятся представления о волке как «чудовище-поглотителе» [14, с. 114]. Ассоциацию образа волка в декоре ножей с мотивом «поглощения хищником его жертвы» выявляет также Е. С. Богданов, по мнению которого, такие ножи имели ритуальное назначение [4, с. 93]. На наш взгляд, изображения волков на оружии должны были усилить его поражающую способность, смертоносность.

Рис. 4. Изображение волка на оружии и ножах. Минусинская котловина. 1 – 7, 12, 13. [Приводится по: 4, табл. СІХ, 4, 6, 10, 11, 12, 1, 8; ХС, 1, 5]; 9 – 11 [Приводится по: 27, табл. 11, 9, 11, 12; 3, рис. 119]

III. Одежда и пояс (87 экз.). Изображение волка выявлено на нашивных бляшках, поясных бляхах-пластинах и пряжках.

Детали одежды и пояса с волчьим декором обнаружены практически на всех территориях, за исключением Казахстана, Алтая, а также Прикамья. Основная часть находок происходит с территорий Северного Китая (26 экз.), Минусинской котловины (16 экз.), Северного Причерноморья (12 экз.). Волк воспроизведен в декоре семи предметов из Сибирской коллекции Петра I. На территории Монголии изображения волка (всего 6 экз.) встречаются только на поясных бляхах-пластинах.

Сюжетные и композиционные характеристики изображений волка на деталях одежды и пояса имеют территориальные привязки. Так, для изделий из Минусинской котловины обычно изображение волка,

свернувшегося в кольцо. Сцены борьбы с участием волка преобладают на бляхах-пластинах из Сибирской коллекции Петра I, сцены «терзания» – на предметах, происходящих с территории Северного Китая, одиночное изображение «идущего» или «стоящего» волка – на находках из Монголии.

Многие авторы полагают, что изображение хищников (в том числе и волков) на предметах одежды и поясе отражает социальный статус владельца [18, с. 163; 14, с. 80 – 82; 8, с. 82; 26, с. 82]. Что касается изображения волка на поясных бляхах, то В. Д. Кубарев считает, что пояса, украшенные сюжетами звериного стиля, могли носить только представители родоплеменной верхушки, а рядовые воины, хотя и «могли украсить свои пояса зооморфными бляхами, но не имели на это право» [14, с. 81]. Д. В. Черемисин также указывает на преобладание орнаментальных

мотивов в декоре поясных блях рядовых воинов. Он связывает этот факт с высокой знаковой функцией пояса в кочевнических обществах, который служил показателем статуса его владельца [26, с. 41; 8, с. 82].

Многие исследователи трактуют мотив борьбы на поясных бляхах, исходя из мировоззренческого дуализма, как отражение борьбы противоположностей в природе [4, с. 64]. Примером является сцена борьбы волка и хтонического существа – змея – на золотых пластинах из Сибирской коллекции (рис. 5). Представление о змее как о воплощении злого начала были зафиксированы Геродотом в легенде о неврах – наро-

де со скифскими обычаями: «За одно поколение до похода Дария им (неврам. – *Е. С.*) пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов» [6]. А. И. Иванчик связывает этот сюжет с мужскими союзами, покровителями которых считался бог-драконоубийца, утверждая, что «победа над драконом является одним из основополагающих мифов этих сообществ» [10, с. 178].

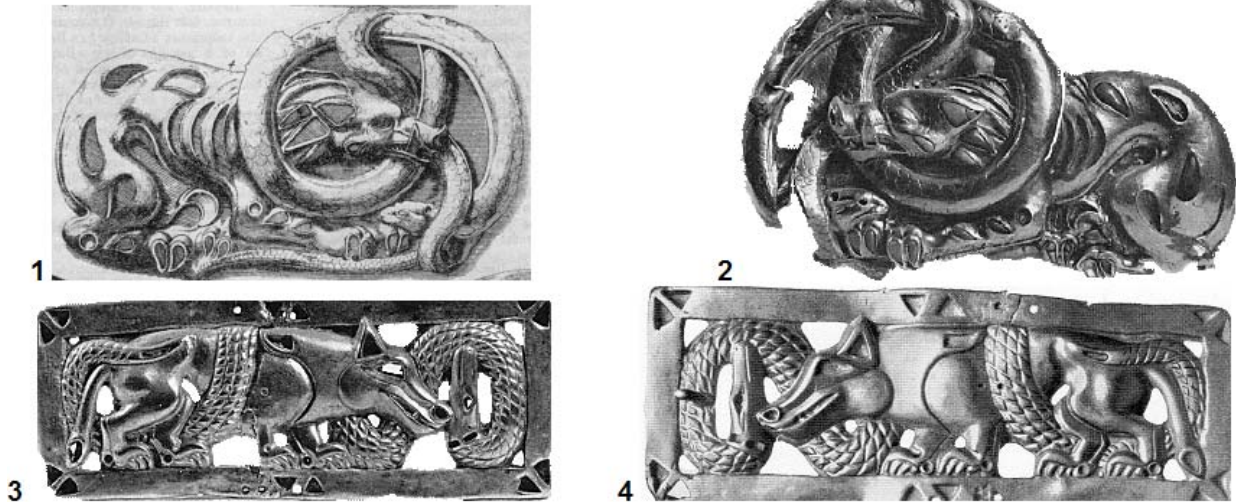

Рис. 5. Сибирская коллекция Петра I. Сцены борьбы волка со змеем. Золотые пластины-застежки. [Приводится по: 22, рис. 1, 4; I, 1; XII, 5, 4]

Рис. 6. Фигурки волков, выполняющие роль ручек сосудов. Южное Приуралье. Первый Филипповский курган. 1 – 3 [Приводится по: 9, кат. 79, 88, 82]; 4 – 6 [Приводится по: 12, табл. 30, 4, 7]

Е. Е. Кузьмина считала, что сцену терзания скифы заимствовали из переднеазиатского искусства и «стали рассматривать ее как двойной символ – весеннего возрождения и царского могущества» [16, с. 9]. На наш взгляд, наиболее приемлемым является толкование сцены терзания в скифском искусстве, предло-

женное Д. С. Раевским, который трактует ее в контексте архаического понимания смерти, которая мыслилась непременно «условием ее (жизни – *Е. С.*) постоянного обновления и омоложения», как «изображение акта творения и возрождения через уничтожение» [19, с. 153]. В таком контексте хищник (в

том числе волк) олицетворяет хтоническое существо, саму смерть, а терзаемое животное – смертных существ [19, с. 152].

IV. Предметы культа и быта (47 экз.), среди которых выделяются ручки и оковки сосудов, зеркала, ложки, жертвенники, пряслица, шкатулки и др.

Значительный интерес представляют фигурки волков, выполняющие роль ручек деревянных сосудов с территории Южного Приуралья (рис. 7). Волк показан «стоящим» или «припавшим» к земле либо воспроизведена только его голова с терзаемым животным в зубах [9, кат. 31, 32, 66, 68, 79, 80, 82, 83, 88, 89; 12, табл. 30,4, 7, 8; 33, 2]. Заметим, что другие хищники на ручках сосудов не изображались, а фигурки волков в качестве ручек не встречаются на сосудах с других территорий.

Е. С. Богданов считает, что фигурки волков, служившие ручками сосудов, «не давали прикоснуться к ним людям непосвященным» [4, с. 83]; о ритуальном предназначении таких сосудов пишет и Е. Ф. Королькова [12, с. 70].

Фигурка волка могла служить ручкой зеркала или изображаться на зеркальном диске. Зеркала с изображением волка обнаружены на территориях Тувы, Северного Причерноморья, Казахстана, Минусинской котловины и Северного Китая. На ручках зеркал чаще бывает воспроизведен «стоящий» волк, реже – сцена терзания с участием этого хищника. На диске зеркала волк предстает свернувшимся в кольцо, согнутым в дугу, «кидущим», действующим в сценах терзания. Что касается ложек, то изображение волка чаще всего помещалось на их ручках [12, табл. 46-1,6; 3,11; 11, рис. 12]. На жертвеннике с территории Казахстана волки вместе с воронами являются персонажами сцены терзания [7, рис. 1, 3].

V. Украшения (43 экз.). Изображение волка зафиксировано на гривнах, браслетах, кольцах, гребнях.

Большую часть украшений составляют гривны. Волк на них либо показан припавшим к земле, либо воспроизводилась одна его голова. Волки на гривнах, как правило, изображались с открытой пастью и острыми зубами. Гривны найдены на останках почти всех погребенных в курганах пазырыкской культуры Алтая. По мнению В. Д. Кубарева, этот факт свидетельствует о том, что гривны, а точнее их деревянные модели, были практически обязательной принадлежностью погребального обряда [13, с. 67]. На браслетах преобладает изображение сцен терзания волком травоядного животного.

Связь образа хищника с гривной В. Д. Кубарев объяснял тем, что гривна выполняла функцию оберега, а изображения на наконечниках должны были защищать одно из уязвимых мест человека – шею [14,

с. 129]. Можно также предположить, что преобладание изображений волков на гривнах связано с тем, что нападающие волки стремятся перегрызть жертве горло. Возможно, обладатель гривны уподоблялся жертве, переживал символическое терзание, которому, как уже отмечалось, древними приписывался благой, жизнеутверждающий смысл. В контексте погребального обряда, возможно, волк как хтоническое существо олицетворял саму смерть, мыслившуюся условием продолжения жизни [19, с. 193].

По мнению Д. В. Черемисина, изображение хищников (в том числе и волков) на наконечниках гривн связано с «образным строем изобразительного поля на головном уборе и, прежде всего, с фигурами копытных животных» [26, с. 57]. Персонажам, изображенным на навершиях головных уборов, на диадемах – птицам и копытным животным, противопоставлены воспроизведенные на гривнах хищники, образы которых составляют нижний «регистр» изобразительного поля, связанного с головой человека [26, с. 59].

Оригинальная интерпретация назначения украшений типа колец, браслетов, ожерелий, гривн предложена А. Г. Кифишиным и изложена в работе Л. И. Акимовой. Кифишин предположил, что такие украшения выполняли защитные функции, заключавшиеся «в ритуальной фиксации мест соединения различных частей человеческого тела, которым угрожает «отчленение» [1, с. 342].

Таким образом, анализ изображений волка на разных категориях вещей из памятников ранних кочевников показал, что чаще всего это были предметы конского снаряжения. Выявлена территориальная специфика распределения категорий изделий с «волчьим декором». Так, детали конского оснащения с изображениями волка не зафиксированы на территориях Подонья, Монголии и Северного Китая. Из Северного Китая происходит основная часть украшенных волчьими мотивами деталей одежды и пояса, из Минусинской котловины – оружия, из Горного Алтая – псалиев. Гривны с изображениями волков известны, за редкими исключениями, только в памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая, сосуды с ручками в виде волчьих фигур – единственно в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья. Установлена связь сюжетных и композиционных особенностей изображений волка с категориями предметов. Например, волк, «свернувшийся в кольцо», редко изображался на конском снаряжении; голова волка с зажатым в пасти кругом воспроизводилась лишь на навершиях ножей тагарской культуры. Рассмотрение существующих точек зрения по поводу семантики образа волка в декоре вещей обнаруживает разнообразие трактовок его мифоритуального смысла.

Литература

1. Акимова, Л. И. Искусство Древней Греции: Геометрика, архаика / Л. И. Акимова. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 400 с.
2. Артамонов, М. И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото / М. И. Артамонов. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
3. Артамонов, М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / М. И. Артамонов. – Прага; Л.: Артия, Советский художник, 1966. – 120 с.

4. Богданов, Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) / Е. С. Богданов. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
5. Гадиева, З. Семантика костяного амулета из Барсукинского захоронения / З. Гадиева // Вестник Археологического центра [Республики Ингушетия]. – Назрань, 2009. – Вып. III. – С. 110 – 111.
6. Геродот. История / Геродот. – Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/museum/scythians/_gerodot.htm (дата обращения: 21.02.2013).
7. Джумабекова, Г. С. О воинских культах ранних кочевников (по материалам сюжета бронзовой курительницы) / Г. С. Джумабекова // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998. – С. 12 – 28.
8. Добжанский, В. Н. Наборные пояса кочевников Азии / В. Н. Добжанский. – Новосибирск: НГУ, 1990. – 164 с.
9. Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г. – 20.I.2002. – СПб: Славия, 2001. – 248 с.
10. Иванчик, А. И. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана / А. И. Иванчик // ВДИ. – 2004. – № 2. – С. 82 – 88.
11. Кадырбаев, М. К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек / М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 137 – 156.
12. Королькова, Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности / Е. Ф. Королькова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.
13. Кубарев, В. Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая / В. Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 55 – 70.
14. Кубарев, В. Д. Курганы Уландрыка / В. Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.
15. Кубарев, В. Д. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии / В. Д. Кубарев, Д. В. Черемисин // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98 – 115.
16. Кузьмина, Е. Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи / Е. Е. Кузьмина // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 3 – 12.
17. Младшая Эдда. – Л.: Наука, 1970. – 137 с.
18. Полосьмак, Н. В. Всадники Укока / Н. В. Полосьмак. – Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2001. – 336 с.
19. Раевский, Д. С. Модель мира скифской культуры / Д. С. Раевский. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
20. Раевский, Д. С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика / Д. С. Раевский // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М, 2001. – С. 364 – 381.
21. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 402 с.
22. Руденко, С. И. Сибирская коллекция Петра I / С. И. Руденко // САИ – ДЗ-9. – М.; Л.: Наука, 1962. – 52 с.
23. Смирнов, К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль / К. Ф. Смирнов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74 – 89.
24. Сорокин, С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры / С. С. Сорокин // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1987. – С. 172 – 191.
25. Харитонов, М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Харитонов. – Улан – Удэ, 2000. – 20 с. – Режим доступа: <http://www.kaganat.ru/articles/-section6/text1076/> (дата обращения: 25.01.2012).
26. Черемисин, Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры / Д. В. Черемисин. – Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 2008. – 135 с.
27. Членова, Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры / Н. Л. Членова. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Информация об авторе:

Сатина Екатерина Константиновна – аспирант кафедры археологии КемГУ, satina-ekaterina@mail.ru.
Ekaterina K. Satina – post-graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.